

УДК 316.42

UDC 316.42

22.00.00 Социологические науки

Sociology

ПРОБЛЕМАТИКА МОДЕРНИЗАЦИИ В РАБОТАХ С. ХАНТИНГТОНА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

PROBLEMS OF MODERNIZATION IN THE WORKS OF S. HUNTINGTON: THEORY AND PRACTICE

Бритикова Елена Александровна
к.соц.н., ассистент кафедры менеджмента КубГАУ;
SPIN-код: 5412-0224, AuthorID: 799883; britikova-2011@mail.ru

Britikova Elena Aleksandrovna
Cand.Soc.Sci., assistant, the Chair of management,
SPIN-code: 5412-0224, AuthorID: 799883; britikova-2011@mail.ru

Кубанский государственный аграрный университет, Краснодар, Россия

Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia

В статье рассматривается трактовка механизмов модернизации американского ученого С. Хантингтона, который рассматривает модернизацию как сложный процесс с весьма неопределенным результатом. Являясь представителем мультилинейного подхода, С. Хантингтон доказывает своеобразие модернизационных путей для каждой отдельной национальной системы

The article discusses the interpretation of the mechanisms of modernization of the American scientist - Samuel Huntington, which sees modernization as a complex process with a very uncertain result. As a representative of the multilinear approach, Samuel Huntington proves the uniqueness of the modernization paths of each individual national system

Ключевые слова: МОДЕРНИЗАЦИЯ, ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ, СТАБИЛЬНОСТЬ, МУЛЬТИЛИНЕЙНАЯ ПАРАДИГМА, ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ, СТРУКТУРНАЯ СЛОЖНОСТЬ, СПОСОБНОСТЬ К АДАПТАЦИИ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ

Keywords: MODERNIZATION, DEMOCRATIZATION, STABILITY, MULTI-LINE PARADIGM, INDUSTRIALIZATION, STRUCTURAL COMPLEXITY, ADAPTABILITY, POLITICAL ACTIVITY

Проблематика модернизации в работах С. Хантингтона: теория и практика

В последние годы проблемы, связанные с модернизацией стали занимать одно из центральных мест в рамках отечественного политического дискурса. Между тем в общественном сознании развитие этой темы насчитывает уже без малого более полувека. Его отсчет обычно связывается с крушением колониальной системы и обретением большинством стран третьего мира политической независимости, за которым встал вопрос об их подтягивании к уровню стран первого мира. С того времени теория модернизации пережила несколько периодов взлетов и падений, которые связывались в основном с особенностями макрообщественной динамики, а также изменении геополитической и

геостратегической ситуации. В содержательном плане подходы к модернизации имеют свои существенные отличия во многом в зависимости от политико-идеологической приверженности авторов, кроме того трактовки модернизации подвергались корректировкам под влиянием социальной практики.

Довольно распространены толкования модернизации, предложенные либерально настроенными учеными. Это неудивительно, поскольку в качестве одного из главных ориентиров либерального подхода выступает западное общество. Как принято считать, целью модернизации выступают именно институты западного типа, что четко выражает израильский исследователь Ш.Эйзенштадт: «Исторически модернизация есть процесс изменений, ведущих к двум типам социальных, экономических и политических систем, которые сложились в Западной Европе и Северной Америке в период между XVII и XIX веками и распространились на другие европейские страны, охватив в XIX и XX южноамериканский, американский и африканский континенты» [8, 172].

Придерживающийся либерального подхода российский исследователь С. Гавров считает, что базовыми институтами модернизации выступают конкурентная демократия рыночная экономика, государство всеобщего благоденствия и массовая коммуникация [2, 19]. В то же время, своеобразным микросоциальным выражением модернизации выступает «индивидуальность, вырастающая на пересечении инноваций, секуляризации и демократизации». Социально-антропологическим типом здесь выступает «трудоголик», постоянно готовый к жизненной гонке [5, 169]. Данная интерпретация предпосылок модернизации фактически не дает права считать модернизацией процессы развития советского общества, добившегося за короткий период впечатляющих успехов, причем во всех трех сферах общественной жизни – экономике, политике, культуре. В то же время весьма с момента начала постперестроечных

реформ в России все более популярной становится точка зрения, что нынешние модернизационные процессы в России идут гораздо менее успешно в сравнении с тем же советским периодом. Во всяком случае, именно к такому выводу подталкивают объективные эмпирические показатели. В связи с этим, как представляется, есть смысл обратиться к теориям, которые, не отрицая собственных политических симпатий, все же ставят во главу угла научный анализ, а не следование политико-идеологической модели.

Самуэл Хантингтон, (1927-2009) американский исследователь известен прежде всего своей концепцией столкновения цивилизаций. В то же время его концепция модернизации тоже является вполне «работающей» и проясняющей здесь ряд спорных проблем. Работы этого ученого по исследованию модернизационных процессов приходится на 60-е годы, когда первоначальный оптимизм постколониального мира сменился более сдержанным и осторожным отношением. В своих трудах С. Хантингтон стремится к охвату обширного материала, касающегося стран первого, второго и третьего миров. В связи с этим его работам присущ высокий уровень обобщения в силу чего их смело можно придавать социально-философский смысл. Кроме того в них прослеживается попытка ответить на «неудобные» вопросы современных общественных наук. Например, насколько устойчивой можно признать тенденцию к демократизации? И почему точка зрения по поводу автократии традиционного общества оставляется без внимания ряд демократических институтов, выросших из народной почвы? Речь идет не только об английском парламенте, но и о многих его разновидностях, как-то испанские кортесы, польский сейм, русский Земский собор или скандинавский Эйратинг. В своих работах, написанных в конце 60 – начале 90-х гг. С.Хантингтон смело берется за решение данных проблем [6; 7].

Американский ученый продолжает линию институционального подхода в политической науке, который развивали Т. Веблен в экономике, Т. Парсонс, Р.Мертон в социологии. В то же время, не отрицая определенных заслуг марксистской школы, С. Хантингтон не особенно придерживается исходного методологического посыла марксизма о признании экономики в качестве базиса общественных отношений. Скорее для него экономика, политика, культура достаточно автономные сферы, развивающиеся во многом самостоятельно, хотя и не без взаимовлияния. Базис и надстройка в концепции американского исследователя имеют по большому счету плавающий характер, приоритет в общественной жизни может иметь то та, то иная сфера в зависимости от обстоятельств. Так в ситуации кризиса большую роль приобретают политические решения. Отсюда способы их выработки и сопутствующие им факторы имеют во многом решающее значение для общественного организма.

Обращая внимание на работу институтов, С. Хантингтон решительно выдвигает приоритет содержания перед формой. По его мнению, важна не сама форма правления, а степень управляемости. Ряд обществ может формально отдавать предпочтение демократии перед авторитарной диктатурой, как происходит в ряде стран Латинской Америки. Однако слабая работа демократических институтов выхолащивает сущность демократии, которой, в подобных условиях, далеко до реального выражения общественного интереса, как это происходит при развитой демократии. Последняя возможна только при условии долгой эволюции, где метод проб и ошибок занимает далеко не последнее место [7].

Главной предпосылкой успешной демократизации общества, по мнению С. Хантингтона, является наличие устойчивого политического порядка. Именно это, по его мнению, характеризует современные ему коммунистические государственные системы, которые отличаются устойчивостью, хотя и далеки от либерально-демократических идеалов

свободы. В то же время, ряд политических режимов в странах третьего мира не преуспели в строительстве демократического общества, именно по причине слабости политической власти. Здесь зачастую выборы – казалось бы, определяющая демократическая процедура – только подрывают систему политического управления, работая на влияние реакционных общественных сил. В подобных обществах попросту ставят телегу впереди лошади – стремятся добиться свободы прежде обеспечения эффективной политической организации. «Порядок может, разумеется, существовать и без свободы, но свобода невозможна без порядка. Прежде чем ставить вопрос об ограничении власти должна существовать сама власть, а именно власти не хватает в тех модернизирующихся странах, где она является заложницей оппозиционной интеллигенции, мятежных полковников и бунтующих студентов» [6, 27].

Условием успешной демократизации, таким образом, является устойчивая политическая организация, критериями которой выступают легитимность и уровень институционализации. Последняя представляет собой процесс, посредством которого политические организации и процедуры приобретают ценность и устойчивость. С.Хантингтон тщательно, и в чем-то даже придирчиво, исследует признаки политической институционализации, выделяя здесь способность к адаптации, структурную сложность, автономию, внутреннюю согласованность. Практически все эти признаки являются приобретаемыми.

Способность к адаптации. Для выработки эффективных управленческих структур бесспорное значение имеет их способность адекватно реагировать на давления внешних условий. В силу этого желательно, чтобы развитие политической организации происходило в динамичной, а не статичной среде. При этом, как правило, первое препятствие является самым трудным. Успешное его преодоление зачастую облегчает адаптацию к последующим вызовам. В то же время,

указанный автор подчеркивает, что адаптивность высокоразвитой организации обычно выходит за рамки ее функциональной специализации. Несмотря на то, что первоначально структуры создаются под определенные функции, в дальнейшем условием их выживаемости оказывается способность к более широкому спектру задач.

Сложность. По мнению С.Хантингтона, чем сложнее организация, тем выше уровень ее институционализации. В качестве аргументации он ссылается на современный ему опыт модернизации развивающихся стран, в ходе которой малоразвитые и сравнительно простые традиционные политические системы зачастую не выдерживали груза поставленных задач и ниспровергались. Сложные политические системы обычно имеют больше институтов, а, соответственно, более способны к адекватному реагированию на внешние обстоятельства или адаптации. Простейшая политическая система зависит от одного человека и поэтому наименее устойчива.

Автономия. Под данным критерием понимается самостоятельность политических организаций. Например, «судебная власть независима в той мере, в какой она придерживается именно юридических норм и в какой мере ее цели и поведение независимы от интересов и поведения других политических институтов и общественных групп». А вот в менее развитых системах политика подвержена внешнему влиянию. Последнее может заключаться в воздействии на государственное управление групповых интересов, что приводит к феномену классового государства, основательно описанному в марксистской литературе. Кроме того, показателем отсутствия автономии политической сферы является коррупция [6, 39]. Наконец, если политические структуры подвержены воздействию внутренних неполитических факторов, в них легко могут проникнуть агенты влияния из других политических систем.

Как считает С. Хантингтон, свойством развитой политической системы является ее ориентация на общественные интересы. Здесь не место быстро преходящему индивидуальному интересу. А вот институциональный интерес всегда имеет стратегическое выражение. Если должностное лицо стремится максимально усилить свою власть в краткосрочном плане, то это ослабляет институт в долгосрочной перспективе. Для американского ученого очевидно, что сильный лидер является лидером национального, а не классового масштаба. Например, сильная президентская власть в США всегда отождествляется с общественным благом. Такие лидеры, как Джефферсон, Линкольн, Вильсон, оба Рузвельта сумели направить деятельность собственного института на национальные интересы, защитив его от посягательств других общественных групп. Это не удавалось таким президентам, как Бьюкенен, Грант, Хардинг, в силу чего их деятельность оценивается как в целом малоэффективная для страны [6, 44-45].

Интересно, что С. Хантингтон склонен связывать развитую политическую систему с общественной моралью. По его мнению, в слабом правительстве обычно невысокий уровень нравственности – здесь часто встречаются продажные судьи, коррумпированные политики и т.п. Эффективные управленческие структуры же во многом основываются на «институционализации доверия», и уровень взаимного доверия между обществом и политическими организациями повышается и дальше. В силу этого в политическую жизнь вовлекаются широкие слои населения, выдвигая лидеров, имеющих высокие профессиональные и моральные качества.

Развитая политическая система связывается С. Хантингтоном с политической модернизацией, что является элементом модернизации вообще. Подобная проблема затрагивается им неслучайно, учитывая, что шестидесятые годы XX в. ознаменовались попытками новых

общественных систем, образованных после краха колониальных империй, обрести собственный догоняющий путь. Как считает ученый, политическая модернизация необходима для пресловутого модернизационного рывка. Так, в определенных случаях, ставка на хозяйственное развитие при некотором забвении политического управления приводила к довольно успешной экономической ситуации при общей политической нестабильности и неустойчивости (Аргентина). При обратной ситуации – экономическое отставание не приводило к распаду общества, что во многом было предопределено сильной политической организацией (Индия).

Однако собственно модернизация выступает как очень сложный процесс с весьма и весьма непредсказуемым результатом. Американский исследователь не сомневается, что успешная модернизация - несомненное благо для общества. Ведь в результате образовывается стабильная система, где эффективные политические структуры успешно решают основные общественные проблемы и противоречия. Однако этот успех достигается трудно и не всегда. Модернизирующиеся общества ждут множество социальных издержек, которые даже могут повернуть вспять процесс модернизации. Главным образом, по мнению С.Хантингтона, приходится расплачиваться внутренней нестабильностью. «Если бедные страны оказываются нестабильными, - писал этот ученый в конце 60-х гг. – то это не потому, что они бедны, а потому, что они стремятся разбогатеть. Чисто традиционное общество было бы невежественным, бедным и стабильным» [6, 59].

Социальная нестабильность будет особенно усугубляться, если процесс модернизации будет давать сбои. Довольно часто политическое развитие отстает от эволюции других областей социальных отношений. Например, более или менее успешная индустриализация будет сопровождаться урбанизацией и, соответственно, ростом образовательного

уровня населения. Неизбежным в такой ситуации оказывается рост ожиданий и политической активности населения, которая в условиях отсутствия соответствующих институтов политического участия может перейти в антиобщественные формы [6, 64].

В ходе модернизации происходит разрушение прежних институтов, традиционного общества и это обстоятельство сопряжено с подрывом устойчивости и стабильности, так как новые осовремененные институты утверждаются медленно и далеко не всегда успешно. Например, в традиционном социуме важнейшей социальной ячейкой выступала расширенная семья, выполняющая множество функций (политические, экономические, религиозные, благотворительные и т.п.), Под нажимом модернизации расширенная семья разрушается и ей на смену приходит нуклеарная семья – более узкая организация, неспособная уже взять на себя все функции расширенной семьи [6, 55].

Многоаспектность модернизационных процессов С.Хантингтон рассматривает через призму тесного переплетения объективных и духовных изменений. В качестве первых выступают связанные между собой явления, отмечаемые всеми классическими теориями модернизации – индустриализация, урбанизация, демократизация, роль СМИ и др. Однако модернизация дает толчок весьма значительным сдвигам на уровне сознания, а именно в ценностях, ожиданиях и установках. «Традиционный человек рассчитывал на неизменность в природе и обществе и не верил в свою способность изменять и управлять ими. Напротив, современный человек признает возможность изменений и убежден в их желательности» [6, 50].

Обычно еще сложнее обстоят дела с политической модернизацией. После разрушения традиционной политической системы обычно не следует сразу и безоговорочно формирование новой. Для соответствия современным стандартам требуется: а) возросшая активность масс; б)

сложная политическая структура. Однако на практике частенько одно не поспевает за другим, что создает существенные внутривнутриполитические сложности.

Тем самым С. Хантингтон делает вывод, что модернизация стимулирует конфликт между старыми и новыми ценностями, порождая «отчуждение и аномию». По его мнению, «модернизированность порождает стабильность, но сам процесс модернизации порождает нестабильность». Видимо поэтому во второй половине XXв. наблюдался рост внутренних конфликтов и насилия в странах третьего мира – к 60-м годам почти все они вступили на путь модернизации, и многие из них (скорее всего большинство) надолго оказались в таком вот «подвешенном» состоянии [6, 59].

Таким образом для С. Хантингтона модернизация представляется болезненным и, по большому счету, небезопасным процессом для общественной системы. Политическое руководство страны, решившееся на модернизацию, должно проводить весьма продуманную политику из последовательных осторожных шагов и мер.

Как представляется, концепция политического порядка С. Хантингтона тяготеет в целом к эволюционизму. Это во многом и неизбежно, исходя из посылки, которой руководствуется этот мыслитель о том, что политический процесс протекает довольно медленно, в отличие от гораздо более динамичной экономики. В то же время, С. Хантингтон далек от классического эволюционистского тезиса об универсальной модели, в данном случае, политического развития. По его мнению, существует множество вариаций модернизационного процесса в зависимости от исторических, культурных, иных факторов. Для успешной модернизации, как подчеркивает мыслитель, весьма желательна традиционная преемственность, то есть процесс «осовременивания» должен носить органичный характер. В подобном ракурсе С. Хантингтон

рассматривает современные демократические институты, видя в них усовершенствованные формы тех структур «народовластия», которые сложились еще в традиционную эпоху. Единственный знаковый институт современности – политическая партия. Он сформировался в условиях возросшей массовой политической активности, которую необходимо каким-то образом регулировать. «Функции партии – организация участия населения в политике, согласование интересов, обеспечение связи между общественными силами и государством» [6, 107-108]. Тем самым значительно вернее отнести американского ученого не к классическим эволюционистам, но к представителям мультилинейной парадигмы, предусматривающей разные варианты достижения схожих конечных целей.

Концепция модернизации С.Хантингтона, конечно, не является истиной в последней инстанции. Ряд его тезисов оспариваются представителями других школ и направлений. Несомненно, что С. Хантингтон придерживается методологии, присущей теоретической школе, получившей организационное закрепление в качестве Секции сравнительной и исторической социологии (СИС). Эта школа берет за единицу анализа национальное государство и его структуры. Другая теоретическая школа, оппонировавшая первой, делает ставку на анализ не одного отдельного государства, но системы государств, вовлеченных в мировое разделение труда, в связи с чем объединена под эгидой Секции политической экономии мир-систем [1]. Между обеими школами имеет место весьма острая полемика и обычный упрек второй в отношении первой – недооценка роли глобальных процессов, которые могут иметь решающее влияние на характер отдельных внутренних национальных проблем. Представители первой школы, не отрицая воздействие международных факторов все же склонны считать главными действующими субъектами отдельные государства.

Как бы то ни было, но в ракурсе актуализации модернизационной проблематики в постперестроечной России, теория С. Хантингтона существенно проясняет и углубляет представление о модернизации как социальном феномене, предлагает более расширительную методологию анализа ее социально-политических механизмов. Если обратить внимание на ход российской модернизации последних двух десятилетий с позиции хантингтоновского подхода, то сразу бросаются в глаза меры российского руководства 90-х годов, которые могут быть охарактеризованы не иначе как грубые стратегические просчеты.

В теории С. Хантингтона предпосылками успешной модернизации прежде всего служит стабильная политическая система и сильная государственная власть, которая собственно и занимается социальными преобразованиями, контролируя их ход и по необходимости внося регуляционные коррективы. Как известно, едва ли не первыми шагами новой российской власти был демонтаж политической системы, которая в соответствии с идеологией реформ, базирующейся на постулатах классического либерализма, должна была быть сведена к роли «ночного сторожа». Итогом оказался довольно продолжительный период «дикого капитализма», сопровождающийся очень чувствительными социальными издержками; усиление сепаратизма и центробежных тенденций, в связи с чем новому российскому руководству пришлось принимать срочные меры по укреплению властной вертикали. В то же время, как нам представляется, в течении 90-х годов слабостью государства воспользовался крупный бизнес, зачастую имеющий криминальный элемент, который где-то слился с правительственными структурами, воздействуя на общий характер государственной политики. Последствия этого все еще ощущаются и в современной России.

Наконец, совершенно ошибочным образом осуществлялась идеологическая политика, которой в теории С. Хантингтона отводится

значительное место. Напомним, что, по мнению американского ученого, модернизационные процессы происходят болезненно прежде всего в культурно-психологическом плане, сопровождаясь аномизацией, отчуждением и «культурной травмой» (термин П. Штомпки). Не случайно многие российские ученые (С.Кара-Мурза, А.Хагуров) определяли именно культурную основу системного кризиса постперестроечной России [3]. Закономерно, что большинство наших соотечественников ощутило нечто вроде шока от столь резкой смены национальных идеологических ориентиров.

Все это заставляет предположить, что разработчики отечественных рыночных реформ не были знакомы с идеями С. Хантингтона, которые к тому времени уже были им озвучены в работе «Политический порядок в меняющихся обществах», вышедшей в 1968 г. Между тем, если бы именно его подход послужил бы главным теоретическим руководством, постсоветская история, возможно, сложилась бы менее драматично.

Значительно ближе к теории С. Хантингтона оказались модернизационные преобразования в Китае. Там была сохранена государственная структура и оставлена главенствующая идеологическая роль коммунистической партии. При всем при том, что в китайской экономике были сделаны принципиальные шаги по ее либерализации, это не сопровождалось периодом «дикого капитализма», который идеологи российского реформизма считали неизбежным явлением при переходе к рынку. В то же время страна оказалась открытой зарубежным хозяйственным, политическим и культурным веяниям, однако это не привело к масштабной социокультурной аномизации, как в России, по всей видимости в силу того, что китайские лидеры, допустив некоторые отступления от старого идеологического курса, все же сохранили значительную степень его преемственности [4].

Вышесказанное побуждает к выводу о том, что многие теоретические разработки прошлых лет сохраняют значительную долю актуальности и по сей день. К числу таких подходов следует отнести теорию модернизации С. Хантингтона.

Список литературы

1. Арриги Дж. Глобализация и историческая макросоциология // Прогнозис - №2 (14) – лето 2008 – С. 57-72.
2. Гавров С.Н. Модернизация России: постимперский транзит / С.Н. Гавров - М.: МГУДТ, 2010. – 269 с.
3. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза – М.: Эксмо-Пресс, 2001. – 832 с.
4. Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. под ред. П.Бергера и С.Хантингтона - М.: Аспект пресс, 2004. – 379 с.
5. Федотова В.Г. Хорошее общество. / В.Г.Федотова – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 544 с.
6. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. / С. Хантингтон – М.: Прогресс - Традиция, 2004. – 480 с.
7. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. – 368 с.
8. Штомпка П. Социология социальных изменений. / П. Штомпка – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 416 с.
9. Шалин В.В., Модернизация, образование, современность: монография/ В.В. Шалин, А.Л. Абрамовский, Е.А. Бритикова. – Краснодар: КубГАУ, 2015. – 255с.

References

1. Arrigi Dzh. Globalizacija i istoricheskaia makrosociologija // Prognozis - №2 (14) – leto 2008 – S. 57-72.
2. Gavrov S.N. Modernizacija Rossii: postimperskij tranzit / S.N. Gavrov - M.: MGUDT, 2010. – 269 s.
3. Kara-Murza S.G. Manipuljacija soznaniem / S.G. Kara-Murza – M.: Jeksmo-Press, 2001. – 832 s.
4. Mnogolikaja globalizacija. Kul'turnoe raznoobrazie v sovremennom mire. pod red. P.Bergera i S.Hantingtona - M.: Aspekt press, 2004. – 379 s.
5. Fedotova V.G. Horoshee obshhestvo. / V.G.Fedotova – M.: Progress-Tradicija, 2005. – 544 s.
6. Hantington S. Politicheskij porjadok v menjajushhihsja obshhestvah. / S. Hantington – M.: Progress - Tradicija, 2004. – 480 s.
7. Hantington S. Tret'ja volna. Demokratizacija v konce XX veka / S. Hantington – M.: «Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija» (ROSSPJeN), 2003. – 368 s.
8. Shtompka P. Sociologija social'nyh izmenenij. / P. Shtompka – M.: Aspekt-Press, 1996. – 416 s.
9. Shalin V.V., Modernizacija, obrazovanie, sovremennost': monografija/ V.V. Shalin, A.L. Abramovskij, E.A. Britikova. – Krasnodar: KubGAU, 2015. – 255s.